

ЛАСЛО ДЬЁРДЬ

РУССКАЯ КАРТА КАРЕЛА КРАМАРЖА¹

KAREL KRAMÁŘ AND THE RUSSIAN CARD

The present study shows some details from the political career of Karel Kramář, the first prime minister of Czechoslovakia, mainly his role as head of the Czechoslovak peace delegation at the Paris Peace Conference in 1919. Kramář's correspondence with T. G. Masaryk, the country's first president and one of its founders, reveals that he went to the conference with the idea that the Bolshevik issue would be resolved on the basis of his proposals. That is, the Entente would overthrow the revolution in Russia with the active participation of Czechoslovakia and help a bourgeois government to power. Kramář believed that the stability of the region, and of course a condition for Czechoslovakia becoming a regional economic leader, was the creation of a large Slavic federation (he had already made a plan for this in 1914), which could be an obstacle to eastern German imperialist aspirations. It also turns out that despite his belief in pan-Slavic (or by early 20th century: neo-Slavic) convictions, he lobbied seriously against giving the economically very valuable Techen (Těšín/ Cieszyn) region to Poland.

Keywords: pan-Slavism, anti-Bolshevism, Těšín/Teschen, Czechoslovakia, revolutionary Russia, Paris Peace Conference

László György – Ph.D. student in History, temporary lecturer, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: gyorgylaszl20@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-9848>

1 *Citation: GYÖRGY LÁSZLÓ, «Russkaia karta Karela Kramarzha» [Karel Kramář and the Russian Card]. *RussianStudiesHu* 3, no. 1 (2021): 275–284. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.8*

В венгерской историографии не часто упоминается имя Карела Крамаржа, первого премьер-министра основанной в 1918 году Чехословацкой Республики, хотя наши историки вопросами возникновения Чехословакии занимаются активнее, чем другими периодами чешской истории. Как правило, в первую очередь внимание историков акцентируется на деятельности министра иностранных дел Эдварда Бенеша и президента Томаша Масарика, в то время как Крамарж изображается второстепенным деятелем. Кроме того, сам нарратив, в рамках которого интерпретируется история возникновения нового чешского государства, часто оказывается упрощённым, односторонним и предвзятым. Для него характерно пренебрежение чешскоязычными первоисточниками, замена их иными, вторичными документами. Приходится сталкиваться с подходом, когда о возникновении Чехословакии говорят исключительно в духе «националистической жертвенности» и идей хунгароцентризма, обосновывая таким образом всё более нездоровый венгерский «трианонский синдром». Излишне упоминать, что происходит это в ущерб достоверности исследований исторических фактов. (Подобное стремление заметно и в чешской историографии – естественно, с противоположным знаком и в связи с иными вопросами.)

Крамарж начал свою политическую карьеру вместе с Т. Г. Масариком и Йозефом Кайзлом как «реалист», то есть представитель особого течения, стремящегося отойти как от чешского консерватизма, так и от либерального национализма младочехов. Программа реалистов состояла в подъёме чешского общества и его постепенной пошаговой модернизации. В дальнейшем Масарик вышел из этой партии, а Крамарж и Кайзл остались, и вскоре заняли в ней важные позиции. Кайзл стал депутатом Императорского Совета, затем министром финансов цислейтанского правительства (1898–1899). Сам Крамарж в дальнейшем тоже стал депутатом, исполняя одно время функции сначала второго, а затем первого заместителя председателя Австрийского парламента.

Крамарж раньше, чем другие чешские политики, заинтересовался внешнеполитическими вопросами. Прежде всего, его занимали проблемы, связанные с Россией и Балканами. Эти же вопросы часто поднимались в его парламентских выступлениях. Он неоднократно подчеркивал, например, что монархия (включая чешские провинции и чеш-

скую промышленность) имела экономические интересы на Балканах.²

Определяющим элементом политической идеологии Крамаржа являлась его приверженность к панславизму.³ Он полагал, что славянским народам необходимо на основе принципа равенства выстроить такое сотрудничество, которое, с одной стороны, обеспечивало бы мирное развитие каждого «государства-члена», а с другой – препятствовало бы германской экспансии на восток. Свои соображения он изложил в проекте конституции в 1914 году, незадолго до того, как разразилась мировая война, отправив – тайно – экземпляр и российскому министру иностранных дел С. Д. Сазанову. По проекту Крамаржа славянское государство, построенное на принципах федерализма, должно было состоять из Российской Империи, Польского Царства, Чешского Королевства, Болгарского Царства и из Сербского, то есть Черногорского, Королевства.⁴ По свидетельству источников, от этих планов он не отказался даже в 1919 году. Он считал, что если удастся сокрушить русскую революцию, то и с новой, буржуазной, Россией было бы возможно создать славянскую федерацию, выгодную чехам с нескольких точек зрения.

Известно, что в 1915 году австрийские власти арестовали Крамаржа и трёх его товарищей по обвинению в государственной измене и летом следующего года приговорили их к смертной казни.⁵ Защитники подали апелляции, но венский верховный военный трибунал (Landwehr) за день до смерти Франца Иосифа, 20 ноября 1916 года, оставил приговоры без изменения.⁶ По вступлению на престол нового государя Крамарж всё же получил помилование, и казнь была заменена тюремным заключением сроком на 15 лет,⁷ но в июле 1917 года в силу закона об амнистии⁸ он вышел на свободу. Крамарж на год уехал в своё имение, временно отстранившись от политических дел.

За несколько месяцев до конца войны, 13 июня 1918 года в Праге был сформирован Национальный Комитет в целях подготовки к созда-

2 HALÁSZ IVÁN, “Karel Kramář és a ruszofilizmus a cseh polgári politikában”, *Limes* 18, no. 2. (2005): 85–102. 92.

3 На пражском славянском съезде 1908 года понятие «панславизм» в духе обновления было заменено на «неославизм».

4 Полный текст проекта: JAN GALANDAUER, *Vznik československé republiky*, 1918: programy, projekty, perspektivy (Praha: Svoboda, 1988), 243–250.

5 *Budapesti Hírlap*, 1916. június 10. 6.

6 *Az Est*, 1916. november 21. 7.

7 *Budapesti Hírlap*, 1917. január 5. 2.

8 *Pesti Napló*, 1917. július 12. 10.

нию нового чешского государства. Следует заметить, что данная организация лишь по названию была идентична своему прогабсбургскому предшественнику 1916 года. Председателем президиума был избран Крамарж, его заместителями стали депутат от аграрной партии Антонин Швегла и социалист Вацлав Клофач. До роковых октябрьских дней 1918 года Национальный Комитет не участвовал в серьёзных политических событиях, но в его подкомитетах продолжалась интенсивная работа над решениями организационных вопросов будущего государства.⁹

Осенью 1918 года ускорились процессы и в рядах западной эмиграции. 14 октября Бенеш обратился с нотой к представителям стран Антанты, уведомляя их, что действующий в Париже Чехословацкий Национальный Совет объявил себя временным правительством. Президентом стал Масарик, министром иностранных дел – Бенеш, военным министром – Штефаник. Из этих троих лишь Бенеш проживал тогда в Париже, Штефаник был в Сибири, Масарик же с весны 1918 года действовал в США. Ни Лондон, ни Париж не наложили вето на эту ноту.¹⁰

Переговоры между пражским центром (Крамарж) и парижским (Бенеш) начались 28 октября 1918 года в Женеве. Среди прочего, была достигнута договоренность о том, что президентом новой Чехословакии будет Т.Г. Масарик, а Карел Крамарж – премьер-министром.¹¹ В тот же день, 28 октября, по инициативе оставшихся на родине членов Национального Комитета стихийный митинг в Праге провозгласил создание Чехословакии.

Таким образом, с момента образования государства в течение полугода Крамарж занимал пост премьер-министра. В этом качестве он отправился на мирную конференцию и большую часть срока своих полномочий фактически провел в Париже.

Из источников видно, что Крамарж начал переговоры в Париже с большим энтузиазмом и оптимизмом. Тогда ещё он считался популярным политиком в Чехии: в нём видели одну из важнейших фигур внутреннего антимонархического движения. Его популярность ещё увеличилась после того, как за два дня до поездки в Париж, 8 января 1919 года молодой коммунист Алоис Штястны предпринял попытку покушения на него. (После покушения у здания редакции социал-демокра-

9 PALOTÁS EMIL, *Kelet-Európa története a 20. század első felében* (Budapest: Osiris, 2003), 111.

10 PALOTÁS, *Kelet-Európa története a 20. század első felében*, 112–113.

11 JAN BÍLEK, JAN BÍLKOVÁ (ред.), *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář* (Praha, Masarykův ústav AV ČR, 2005), 303.

тической газеты *Právo Lidu* в Праге начались антикоммунистические беспорядки: собравшаяся толпа чуть не линчевала главного редактора газеты, Йозефа Штивина.)¹²

Через полгода, осенью 1919 года Крамарж вернулся в Прагу – разочарованным, отнюдь не столь популярным, как прежде, в качестве представителя, точнее, председателя Национальной Демократической Партии. Его разочарование в первую очередь можно объяснить тем, что ему не удалось осуществить свои политические идеи на практике – другой вопрос, насколько его амбициозные планы вообще были реалистичными.

Его парижская деятельность, как и его (внешне-) политические идеи, самым простым – и самым достоверным – образом могут быть воспроизведены по сохранившейся переписке. Особенно много – около 50 – писем он написал в эти месяцы Масарику, правда, общение между ними оказалось до некоторой степени односторонним, так как пожилой президент не торопился отвечать на письма Крамаржа (однажды премьер жаловался на это Масарику, причём довольно обиженным тоном¹³). Полезным источником является и его переписка с женой, а также публикации в прессе. Таким же важным и интересным документом мог бы быть дневник Крамаржа, обнаруженный в 1944 году в архиве его секретаря, но, к сожалению, с тех пор утраченный.¹⁴

По первоначальным планам предполагалось, что чехословацкую делегацию в Париже возглавил бы Масарик, но в конце концов выбор пал на Крамаржа, который с готовностью принял на себя эту роль. Из его первых, написанных из Парижа, писем ясно видно, что он вначале довольно наивно оценил своё положение. Он считал, что ему, в роли главы делегации, представится возможность участвовать на равных в переговорах с представителями великих держав и оказывать влияние на будущую судьбу Европы. На практике, однако, всё пошло иначе. Он регулярно контактировал с ключевыми, принимающими решения, лицами и участвовал в различных, не очень значительных представительских мероприятиях, но лишь отчасти мог вмешиваться в решение существенных вопросов.

Особенно задело самолюбие Крамаржа то, что в кругах политической элиты Парижа Бенеш в значительно большей степени, чем он,

12 *Národní Listy*, 1919. január 9. 1. и *Pesti Napló*, 1919. január 9. 2.

13 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 341.

14 JAROSLAV ŠAUER, “Karel Kramář na mírové konferenci v Paříži”, *Mezinárodní vztahy* 28, no. 3. (1993): 84–92.

оказался своим, тем, к кому прислушиваются руководители великих держав. Кроме того, с каждым днём Крамарж всё более ощущал, что решение «русской проблемы» идёт не по его плану, хотя он считал этот вопрос настолько же важным, как и процесс формирования Чехословакии. Премьер-министр ехал в Париж, предполагая, что мирная конференция рассмотрит (и решит) вопрос с большевиками на основе его предложений. В его понимании это означало, что Антанта при активном содействии Чехословакии свергнет Ленина и приведёт к власти в России буржуазное правительство. (Следует подчеркнуть, что Крамарж не собирался восстанавливать царскую власть, поскольку уже во время первого путешествия в Россию осознал её нежизнеспособность, но не считал, что «буржуазно-демократическое» развитие России не является её исторической альтернативой.) Крамарж безусловно хотел бы, чтобы представители большевиков были приглашены в Париж, но вскоре ему пришлось признать, что этого не произойдёт. Он всерьёз опасался формирования противостоящего Антанте русско-немецкого союза, в результате чего Чехословакия оказалась бы в тисках двух вражеских держав. В своём письме Масарику от 23 января 1919 года он возмущено писал, что на мирную конференцию пригласили «даже поляков», но не русских. К полякам, кстати, несмотря на свою приверженность к панславизму, Крамарж относился отрицательно, считая их почти врагами. В том же письме он докладывал Масарику, что польская пропаганда утверждает, будто исключительно Польша призвана остановить и победить большевизм.¹⁵ Крамарж полагал, что это может поставить Чехословакию в невыгодное положение в чешско-польской распре о Тешинской Силезии.

Бывшее Тешинское герцогство (Нижняя Силезия) населяли немцы, чехи и поляки, однако конфликт Польши и Чехословакии завязался не по поводу этнической принадлежности населения района: особую ценность ему, с точки зрения враждующих стран, придавали угольные месторождения, металлургические заводы и стратегически важная железнодорожная линия. Конфликт завершился в 1920 году с результатом, выгодным для Чехословакии: Прага смогла сохранить экономически важные тешинские области вместе с железнодорожной линией.¹⁶

Зимой 1919 года, однако, тешинский вопрос ещё оставался открытым. Крамарж считал, что конфликт будет разрешён в связи с вопро-

15 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 309–310.

16 PALOTÁS, *Kelet-Európa története a 20. század első felében*, 179.

сом о большевиках: по его мнению, если Польша победит – военным путём – российскую революцию, то Антанта из благодарности передаст тешинские земли ей, а не Чехословакии.

Провал социалистического эксперимента Крамарж, в общем, считал неизбежным: «Ребячество верить, что большевизм не будет побеждён. Он будет побеждён, и раньше, чем мы думаем, Россия начнёт новую жизнь. [...] Мы полностью согласны с Бенешем относительно политического значения чешской интервенции – мы оба считаем, что только так нам удастся выйти из унижительного для новых государств положения.»¹⁷

Поэтому он настоятельно призывал Антанту вооружить более крупную чехословацкую армию. По мнению Крамаржа, это могло дать ещё и тот результат, что Чехословакия получила бы от «возрождённой» России «благодарность» за освобождение от большевиков. Но скоро ему пришлось осознать, что Антанта, а особенно США и Великобритания, не пойдут на это, и среди отечественных политиков он также не находил поддержки. Президент Масарик писал в одном из писем: «Я не настолько надеюсь на противников большевиков, как вы. У меня большой опыт общения с ними, и я лично знаю некоторых из них [...], и абсолютно не верю в то, что они способны организовать свои ряды. Считаю стратегической ошибкой угрозы в адрес большевиков, особенно, когда тысячи наших солдат, которым могут отомстить, находятся под их властью.¹⁸ Добавлю, что мы могли бы разбить большевиков под Киевом или Москвой, но это не разрушило бы ни Ленина, ни движение.»¹⁹ Масарик мыслил иначе и о польском вопросе. «Их тактика их не спасёт. Перед ними стоят огромные задачи: латифундии, евреи, раздроблённость, национальности. Их усилия по приобретению обширных территорий, не населённых поляками, в корне ошибочны, и они потерпят неудачу. Этнически однородная Польша могла бы быть сильной. А 38-миллионная Польша [...] слаба, и уже заранее обречена на распад.»²⁰

Не поддержало идеи Крамаржа и чехословацкое общественное мнение. Более того, социал-демократы повели против них широкую кампанию. В одном из писем²¹ Крамарж ссылался на двух политиков левого толка: «Что касается Тешина и Нижней Силезии, боюсь, мы лишим-

17 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 313.

18 Масарик, по всей вероятности, говорил о возвращающихся из Сибири легионерах.

19 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 321.

20 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 322.

21 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 318.

ся их. Нам нужны поляки в борьбе против большевиков, а мы слишком трусливы, чтобы бороться с Штивин²² и Шмералем».²³

И в рядах своей партии Крамарж не встретил полного понимания, даже Рашин²⁴ отвергал его проекты. В одном из его писем Крамаржу он заявил, что его проект по русскому вопросу нереален по нескольким причинам. С одной стороны, невозможно организовать и вооружить армию, необходимую для решения этой задачи, с другой же стороны, армия сама по себе и не способна её решить, если за ней не последует административный аппарат. Рашин обратил внимание Крамаржа на то, что Прага едва ли в силах контролировать администрацию на словацких землях. Он считал, что интервенция такого объёма приведёт к внутривосточному кризису, и опасался того, что это усилило бы народную поддержку отечественных коммунистов.²⁵

Между Крамаржем и Масариком, по свидетельству их переписки, возникало всё больше и больше разногласий. Масарик в январе 1919 года дал интервью газете *Le Temps*, где затронул несколько важных вопросов. Он прояснил, что выступает за невмешательство в русский вопрос, что Чехословакия не должна вмешиваться во внутренние дела России. В дальнейшем он предложил план дунайской федерации, к которой в будущем могла бы присоединиться и Австрия. По его мнению, такое государство могло бы стать достаточным препятствием на пути немецкой экспансии. На это интервью Крамарж отреагировал довольно запальчиво, особенно по поводу Австрии и дунайской федерации: «[...] до последнего вздоха буду бороться против этого. Почти сорок лет мы страдали от венского гнёта; а теперь нам снова открыть перед ними ворота? [...] Возвратиться к общему парламенту? Нет, ни за какие деньги!»²⁶

Эти высказывания Крамаржа могут показаться противоречивыми, ведь несколько лет назад он сам выработал план федеративного государства – с общим парламентом. Кроме того, он составил конституцию предполагаемой Славянской Империи таким образом, что Россия

22 Йозеф Штивин (Josef Stivín) – социал-демократ, депутат, главный редактор газеты *Právu Lidu*.

23 Богумир Шмераль (Bohumír Šmeral) – теоретик марксизма, политик, журналист, основатель Коммунистической партии Чехословакии.

24 Алоис Рашин (Alois Rašín) – политик-националист, юрист, экономист, первый министр финансов Чехословакии.

25 ŠAUER, “Karel Kramář na mírové konferenci v Paříži”, 87.

26 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 318.

в ней господствовала бы во всех структурах, принимающих решения. Закономерен вопрос: почему же царская Москва была бы лучше, чем кайзеровская Вена?

Следует подчеркнуть, что хотя в политическом мышлении Крамаржа значительную роль играли субъективные факторы (из его сочинений видно,²⁷ что с его закоренелой хунгаро- и германофобией – и наверняка антисемитизмом – соседствовала явная русофилия), в этом случае речь идёт о более практических размышлениях.

Вопрос о «выживании» и развитии маленького чешского государства в окружении крупных держав давно стоял в центре внимания чешской политической мысли. На протяжении столетий было порождено множество концепций – самая известная, вероятно, «австрославизм» Франтишека Палацкого, по сути дела на этот «вечный вопрос» и пытался ответить Крамарж.

В мышлении Крамаржа Россия была тем, что в силу своих огромных размеров способно выстроить своего рода политическую и военную защиту Центральной и Восточной Европы – так, чтобы более не пришлось бояться военной и экономической экспансии немцев на восток. Его также увлекала идея «модного» империализма маленьких наций. Он считал, что с помощью славянской федерации можно было бы обеспечить чехословацкое превосходство в регионе, а одновременно и рынок для развитой чешской промышленности. 14 февраля 1919 года он написал: «[...] нам необходимо обеспечить ведущую роль чехов в славянстве, навсегда гарантировать экономический расцвет нашей нации [...] не только в пространстве Центральной Европы, но и в целом на востоке».²⁸

Несмотря на то, что Чехословакия в конце концов получила практически все территории, кроме южнославянского коридора, на которые до мирной конференции заявляла претензии, Крамарж вернулся на родину с чувством неудачи. Его расчёты в связи с русскими делами не оправдались, и во время пребывания в Париже он был почти полностью отстранён от внутренней политики. Преодолеть свою отчуждённость ему более не удалось.

На прошедших в июне 1919 года местных выборах вперёд вырвались социал-демократы, а национал-демократам не удалось набрать

27 См., например, его проект конституции 1914 года.

28 BÍLEK, BÍLKOVÁ, *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář*, 319.

даже одной десятой голосов. Крамарж, оценив создавшееся политическое положение, ушёл в отставку, Масарик же 8 июля 1919 года поручил формирование правительства социал-демократу Властимилу Тусару.²⁹

References

- JAN BÍLEK, JAN BÍLKOVÁ (eds.), *Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář* [Correspondence T. G. Masaryk – Karel Kramář] (Praha: Masarykův ústav AV ČR, 2005)
Budapesti Hírlap [Budapest Gazette], 1916
Budapesti Hírlap [Budapest Gazette], 1917
Az Est [The Evening], 1916
HALÁSZ IVÁN, “Karel Kramář és a ruszofilizmus a cseh polgári politikában” [Karel Kramář and rusofilism in Czech bourgeois politics], *Limes* 18, no. 2. (2005): 85–102.
Národní Listy [National Letters], 1919
PALOTÁS EMIL, *Kelet-Európa története a 20. század első felében* [History of Eastern Europe in the First Half of the 20th Century] (Budapest: Osiris, 2003)
Pesti Napló [Pest Journal], 1917
Pesti Napló [Pest Journal], 1919
JAROSLAV ŠAUER, “Karel Kramář na mírové konferenci v Paříži” [Karel Kramář at the Paris Peace Conference], *Mezinárodní vztahy* 28, no. 3. (1993): 84–92..

29 PALOTÁS, *Kelet-Európa története a 20. század első felében*, 182.